ПОЛВѢКА НАЗАДЪ.

(Изъ воспоминаній пережитаго).

Жребій выпалъ мнѣ на долю, по выпускѣ изъ Института Путей Сообщенія, завѣдывать одною изъ шоссейныхъ дистанцій въ Западно-бѣлорусскомъ краѣ.

У дѣда моего было имѣніе въ Новгородской губерніи, но присоединеніе Грузіи къ Россіи застало его въ Тифлисѣ, на службѣ при князѣ Цицiановѣ. Тамъ родился и воспитывался мой отецъ, а на службу поступилъ въ Астраханскую Контору Государственнаго Коммерческаго Банка (теперь просто Государственнаго). Въ Астрахани отецъ женился, и родился я. Тамъ же похоронены моя мать и младшая сестра. Злополучная Астраханская контора Банка просуществовала всего десять лѣтъ (съ 1822 по 1833 годъ), принесши ему отъ 2 до 3 милліоновъ убытка. Растраты, въ настоящемъ значеніи слова, не было; но Астраханское купечество, состоявшее почти исключительно изъ Армянъ, мастерски наполняло портфели Конторы кипами векселей, по которымъ нечего было получить, а пакгаузы заложенными негодными товарами, которыхъ некому было продать. По высочайшему повелѣнію на ревизію Конторы былъ посланъ сенаторъ Рупрехтъ (впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Западной Сибири), и весь составъ служащихъ, за исключеніемъ отдѣленія кассы, былъ преданъ суду. Мой отецъ занималъ должность младшаго кассира, и потому бѣда эта его не коснулась. Продолжать службу въ Банкѣ, куда ему былъ открытъ доступъ, или въ другомъ вѣдомствѣ, онъ не пожелалъ. Бабушка (его мать) умирая оставила ему довольно значительный по тому времени капиталъ, что, въ соединеніи съ наслѣдственнымъ имѣніемъ, давало ему возможность, безъ службы, прилично жить и воспитывать меня. Мнѣ было 10 лѣтъ, когда мы пріѣхали въ Петербургъ: я для ученія, отецъ на жительство; но не прошло и года, какъ онъ заболѣлъ и принужденъ былъ вернуться въ Астрахань. Ради его болѣзни, мнѣ пришлось покинуть службу мою, на которой отпуски тогда не допускались, и я послѣдовать за нимъ.

Онъ скончался вскорѣ въ Пятигорскѣ, и я, почти еще юношей, былъ предоставленъ самому себѣ. Достаточными средствами для существованія я былъ обезпеченъ, но руководителя уже не существовало; а между тѣмъ я самъ сознавалъ, что былъ еще слишкомъ молодъ для самостоятельной жизни въ свѣтѣ, котораго вовсе не зналъ, но въ который долженъ былъ вступить. Разъ снявши мундиръ, послѣдній уже не привлекалъ меня въ соединеніи съ тѣмъ родомъ службы, который я прежде несъ; на другую же я не могъ разсчитывать: я не былъ вовсе подготовленъ къ служенію по другимъ вѣдомствамъ даже, чтобы управлять собственнымъ имѣніемъ мнѣ нужно было поучиться. Чѣмъ же мнѣ было заняться? Вопросъ этотъ я рѣшилъ во время чрезмѣрно-продолжительнаго пути до Петербурга, по убійственнымъ, въ осеннюю распутицу, грунтовымъ дорогамъ, въ лучшей и богатѣйшей части государства. Развѣ это въ порядкѣ вещей? Развѣ за границей существуютъ подобныя дороги?... Да и много еще «развѣ» просили отвѣта, котораго въ ту пору я не могъ дать, но далъ себѣ слово дать скоро. Поѣду за границу, посмотрю, какъ люди живутъ тамъ; можетъ, со временемъ пригодится, если чѣмъ нибудь вздумаю заняться.... За поѣздку въ иноземье я ухватился съ жадностью. Будь я позрѣлѣе, я сообразилъ бы тотчасъ, что въ то именно время, когда вся Европа, кромѣ Англіи, горѣла въ огнѣ разбушевавшихся революціонныхъ страстей, меня туда не отпустятъ; но я политикой не занимался и думалъ, что это прочтетъ всякій на моемъ открытомъ лицѣ. Подаю прошеніе тогдашнему Петербургскому генералъ-губернатору Шульгину. Онъ бросилъ только взглядъ на бумагу и съ недовольныхъ видомъ спросилъ:

— Что́ вамъ нужно за границей?

— Я желаю учиться.... Но, не докончивъ фразы, я былъ прерванъ:

— Получившему образованіе въ Русскомъ высшемъ учебномъ заведеніи нечему учиться за границей. Это вздоръ! Не затѣмъ вы собираетесь ѣхать... Вы знаете что́ теперь творится въ Европѣ?

— Знаю и не сочувствую. Но если это причина для отказа, то прошу объ увольненіи въ Англію, гдѣ спокойствіе не нарушалось.

— А кто будетъ тамъ держать васъ за руку? Вы поѣдете оттуда куда захотите....

— Не поѣду, ваше высокопревосходительство, если не позволено.

— Все равно. Государь Императоръ не разрѣшитъ вамъ выѣздъ никуда (до восшествія на престолъ Александра Николаевича, дворяне увольнялись за границу лишь съ разрѣшенія Государя); онъ увольняетъ туда въ настоящее время только людей лично ему извѣстныхъ; стало быть, не утруждайте напрасно меня, министра (внутреннихъ дѣлъ) и генерала Дуббельта, у которыхъ я долженъ собрать

о васъ справки. Прибавлю еще: вы ни въ чемъ не замѣчены до сихъ поръ, но просьба ваша объ отпускѣ за границу въ такое смутное время можетъ обратить на васъ вниманіе и повредить въ будущемъ, если при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ вы захотите побывать за предѣлами Россіи.

Коротко и ясно: сиди и молчи!.. Но послѣднія слова Шульгина доказывали, что если онъ и принялъ меня по солдатски, то въ душѣ былъ не злой человѣкъ. Мнѣ оставалось только взять назадъ прошеніе и откланяться, что́ я и сдѣлалъ.

Прошеніе я разорвалъ въ клочки, но досада не унималась; самолюбіе мое страдало страшно. Какъ это можно, думалось мнѣ, обращаться съ взрослымъ человѣкомъ какъ съ ребенкомъ, смѣяться въ глаза, заявляя категорически, что за границей учиться нечему?... Ахъ, незрѣлая молодость, наивная неопытность! Я еще не зналъ тогда, какъ не легка была жизнь въ столицѣ для лицъ безъ опредѣленныхъ занятій, хотя бы и съ независимымъ состояніемъ. Для такихъ лицъ существовала Москва, а Петербургъ не годился: здѣсь нуженъ былъ мундиръ, а безъ него малѣйшая опрометчивость, малѣйшее несоблюденіе неизвѣстныхъ вамъ обычаевъ, и вы имѣете дѣло съ крутой и нелюбезной столичной администраціей; да хорошо, еще, если съ пей, а не съ другой, оставляющей слѣды своего вмѣшательства надолго, а пожалуй и на всю жизнь.... Непредвидѣнный, безобидный случай въ скоромъ времени познакомилъ меня съ первой изъ нихъ.

Какъ проводить зимній сезонъ въ Петербургѣ благовоспитанному человѣку, не имѣющему ни родныхъ, ни знакомыхъ? Нельзя же каждый день бывать въ театрѣ или обречь себя на просиживаніе длинныхъ вечеровъ дома. Мнѣ представился случай записаться въ члены Дворянскаго Клуба, помѣщавшагося въ малыхъ залахъ С.Петербургскаго Дворянскаго Собранія (Клубъ этотъ впослѣдствіи закрылся). Тамъ всегда можно было найти хорошую партію въ одну изъ комерческихъ игръ по невысокой цѣнѣ, и я бывалъ тамъ почти ежедневно, даже послѣ театра съ цѣлью поужинать: столъ въ клубѣ былъ очень хорошъ и не дорогъ; повару платилось большое жалованье. Въ годовщину открытія клуба давался ежегодно большой обѣдъ, на который приглашались министры и вся высшая администрація столицы. Въ 1849 году обѣдъ пришелся въ Великій постъ; но тѣмъ не менѣе онъ состоялся, поубавилось только число креселъ и приборовъ, предназначавшихся для министровъ, приславшихъ отказы, за исключеніемъ двухъ. Министерскій столъ, за которымъ заняли мѣста и другія изъ приглашенныхъ высокопоставленныхъ лицъ, а также генералъ-губернаторъ Шульгинъ, оберъ-полицмейстеръ Г. . . въ и комендантъ баронъ Зальцъ (онъ же

директоръ нашего клуба) помѣщался посреди большой залы собранія; мы же, члены и гости, размѣстились за длинными столами расположенными вокругъ перваго, такъ что всѣмъ было видно, что̀ дѣлается за каждымъ изъ нихъ. Я въ первый разъ присутствовалъ на такомъ оффиціальномъ обѣдѣ. Немудрено, что онъ очень интересовалъ меня и что я менѣе обращалъ вниманіе на изысканныя произведенія героя дня, клубскаго повара, и вино (послѣднее въ особенности, такъ какъ я ничего не пилъ), чѣмъ на все окружающее и преимущественно министерскій столъ. Подали Шампанское. Одинъ изъ министровъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя, подняли бокалы, раздалось долго несмолкавшее ура и вмѣстѣ съ тѣмъ колоченіе ложками по столу, да такъ усердно, что заглушался гимнъ, непрерывно повторявшійся музыкантами.—Что̀ за глупость, не давать возможности прослушать гимнъ, подумалъ я. И кому это пришло въ голову такъ нелѣпо проявлять свой восторгъ? Я посмотрѣлъ на Шульгина и Г. . . ва—оба стучали.... Значитъ, надо.... Постучалъ и я немного.... Ну, право же, это дико... Войди сюда, образованный Европеецъ: непремѣнно скажетъ, что здѣсь всѣ пьяны.... Кончилась наконецъ эта стукотня; допивались только бокалы съ виномъ; я тоже отпилъ немного изъ своего и, поставивъ его на столъ, сѣлъ на мѣсто. Не успѣла прислуга наполнить всѣ бокалы за членскими столами, какъ другой министръ предложилъ новый тостъ за здоровье Императрицы. Повторилось тоже, что̀ и прежде было, но только покороче; да и не могло быть иначе: тостовъ было много, и старики, вѣроятно, порядкомъ устали; вѣдь почти половину обѣда пришлось стоять, кричать безъ умолку ура и барабанить по столу. Такъ вотъ каковы оффиціальные обѣды! Устанешь, не доѣшь, и только всего.... На слѣдующій день я уже долженъ былъ дать себѣ слово никогда болѣе на нихъ не бывать. А причина? Вотъ она.

Послѣ обѣда гости разъѣхались; остались одни члены клуба. Я собирался сѣсть за карточный столъ, когда замѣтилъ въ отдаленіи барона Зальца, разговаривавшаго съ другимъ директоромъ клуба барономъ Остеномъ и указывавшимъ на меня. Послѣдній тотчасъ же подошелъ ко мнѣ, взялъ подъ руку и, отведя въ сторону, спросилъ:

— Вы ничего за собой не чувствуете?

— Въ какомъ смыслѣ вашъ вопросъ?

— Въ такомъ, что у насъ наводилъ объ васъ справки Г. . . . , и надо думать, что не изъ простого любопытства. Баронъ Зальцъ далъ о васъ наилучшій отзывъ; но онъ не можетъ, по своему служебному положенію, говорить съ вами какъ бы хотѣлъ и потому поручилъ это мнѣ. Если вамъ нужно что либо припрятать, то торопитесь: у васъ могутъ сдѣлать обыскъ....

— На здоровье, баронъ! Пусть пороются: у меня ничего нѣтъ запрещеннаго.

— Пріятно слышать. Вашъ отвѣтъ особенно порадуетъ барона Зальца. Согласитесь сами, что ему, какъ старшему директору, будетъ очень непріятно, если одинъ изъ членовъ клуба будетъ арестованъ....

— Арестованъ?... Баронъ, вы начинаете пугать меня. Скажите, въ чемъ дѣло?

— Вы знакомы съ Петрашевскимъ?

— Въ первый разъ слышу фамилію...

— А съ Достоевскимъ? Онъ инженерный офицеръ, стало быть вашъ бывшій сослуживецъ.

— Между путейскими офицерами нѣтъ Достоевскаго, вѣроятно онъ инженеръ военный.

— Значитъ, и его не знаете; но можетъ быть, вы знаете кого нибудь изъ прочихъ... какъ бы это выразиться? Ну, хоть заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности лицъ.

— Вы что-то скрываете отъ меня, баронъ. Могу васъ увѣрить, что я не занимаюсь никакими дѣлами до меня не касающимися, а тѣмъ болѣе политическими.

— Я и самъ такъ думалъ. Видя васъ ежедневно въ клубѣ, трудно было предположить, что у васъ находится еще время для посѣщенія тайныхъ собраній... Однако, чего хочетъ отъ васъ Г. . . въ? Вѣроятно пустякъ какой нибудь... Извольте, я скажу вамъ по секрету... Aber unter uns, mein lieber Freund, кончилъ онъ по-нѣмецки: въ прошлую ночь арестованы Петрашевскій и всѣ его соумышленники...

— Жаль несчастныхъ; но повторяю: до меня это не касается.

— Въ такомъ случаѣ, не о чемъ намъ больше разговаривать. Я пойду успокоить Зальца, а потомъ поговоримъ о тузахъ, короляхъ и дамахъ за зеленымъ столомъ. Я игралъ недурно, и Остенъ всегда охотно игралъ въ партіи со мною.

Играть я сѣлъ, но на этотъ разъ игралъ плохо. Какъ ни старался я успокоить себя, что мнѣ нечего бояться, но на сердцѣ было тяжело, и не напрасно: пріѣхавъ изъ клуба въ 2 часа ночи, я засталъ у себя частнаго пристава, получившаго приказаніе доставить меня въ канцелярію оберъ-полицмейстера. На вопросъ мой, нельзя ли отложить исполненіе приказанія до утра, онъ отвѣтилъ: разумѣется, можно; срокъ не назначенъ, а генералъ теперь уже спитъ.

— Что такое вы натворили?

— Право не знаю. Политикой я не занимаюсь...

— Какая политика! Будь это, такъ со мной прибыли бы жандармы и повезли бы васъ не къ оберъ-полицмейстеру... Такъ что

нибудь... Головомойкой дѣло обойдется... Прощайте! Въ 9 часовъ буду у васъ. Гора свалилась у меня съ плечъ отъ послѣднихъ словъ пристава. Стало быть, въ крѣпость я не попаду, а отъ головомойки самъ Александръ Павловичъ меня избавитъ: недаромъ же мы танцовали съ нимъ не разъ на губернаторскихъ балахъ (въ чинѣ полковника и званіи флигель-адъютанта, Г. . . въ въ серединѣ сороковыхъ годовъ производилъ рекрутскій наборъ въ одной изъ Бѣлорусскихъ губерній); онъ не могъ еще забыть меня и вѣрно пошутитъ надо мною, что я попался ему въ лапы.

Съ такими мыслями я заснулъ и съ такими же поѣхалъ съ приставомъ на Большую Морскую. Принявъ меня отъ пристава, дежурный чиновникъ показалъ мнѣ мѣсто въ пріемной и пошелъ съ докладомъ въ кабинетъ Г . . . ва, отдѣлявшійся только дверью отъ большой залы, въ которой меня усадили.—Приказали подождать, объявилъ чиновникъ, возвращаясь изъ кабинета въ свою дежурную комнату.

Я сѣлъ у окна. Проходитъ часъ, затѣмъ другой... Въ половинѣ 12-го выходитъ Г. . . въ въ мундирѣ и, на мой поклонъ, едва отвѣтивъ кивкомъ головы, быстро проходитъ черезъ залу.

Недоволенъ чѣмъ-то; вѣроятно, спѣшитъ на пожаръ, подумалъ я, но изъ любопытства спросилъ у чиновника, куда поѣхалъ генералъ?

— Сейчасъ къ генералъ-губернатору, а въ 12 часовъ поѣдетъ во дворецъ, съ докладомъ къ Государю.

— А я долженъ здѣсь ждать?..

— Разумѣется, ждать; вѣдь такъ вамъ приказано.

Такъ вотъ какъ начинается головомойка, разсуждалъ я самъ съ собою. Шутить изволите, ваше превосходительство: не за что мнѣ мылить голову, и напрасно вы такъ неделикатно поступаете со мной... Однако, какъ я ни разсуждалъ на тему о своей невиновности, все же просидѣлъ еще пять часовъ, наполовину арестованный. Въ половинѣ пятаго раздался звонокъ... Генералъ пріѣхалъ, объявилъ чиновникъ. Г. . . въ прошелъ, даже не взглянувъ на меня, но тотчасъ же отворилъ дверь кабинета и, остановившись на порогѣ, подозвалъ меня къ себѣ. Заговорилъ онъ хриплымъ басомъ, котораго я не замѣчалъ три года назадъ; можетъ быть, онъ усвоилъ эту манеру для приданія своимъ словамъ большей важности, а вѣрнѣе, это было слѣдствіемъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ (всѣмъ тогда извѣстная его слабость).

— Вы были вчера на обѣдѣ въ Дворянскомъ Собраніи. Господину генералъ-губернатору и многимъ другимъ бросилось въ глаза, что вы не пили за здоровье Государя Императора.

— Я легко пьянѣю отъ вина и потому не пью его.

— Мнѣ это говорили. Подумаешь, какая вы красная дѣвица! Но Шампанское и онѣ пьютъ; его всѣ пьютъ...

— Сколько могъ, я отпилъ изъ бокала.

— Довольно. Шампанскаго вы не пьете; а почему вы не стучали по столу?

— Стучалъ, но не все время.

— Да, постучали, когда замѣтили, что генералъ Шульгинъ обратилъ на васъ вниманіе.

— Напротивъ, генералъ: я застучалъ, когда увидалъ, что и вы и генералъ-губернаторъ стучите, а дотого считалъ непрплпчнымъ заглушать музыку, игравшую гимнъ.

— Вы слишкомъ много разсуждаете!.. Ваше дѣло брать примѣръ со старшихъ, а не умничать по своему...

— Я былъ въ первый разъ на большомъ офиціальномъ обѣдѣ и на будущее время не повторю ошибки...

— Совѣтую! Вы помѣщикъ? Я отвѣтилъ утвердительно.

— А по какому праву вы отпускаете усы?

— По праву отставного офицера.

— Офицеры Путей Сообщенія не имѣютъ этого права.

— А въ отставкѣ имѣютъ...

— Послушайте! Какъ вы смѣете мнѣ возражать? Я знаю, что́ говорю...

— И я знаю, ваше превосходительство.

— А, такъ вы хотите говорить со мной такимъ языкомъ? Вы его прикусите, когда я прикажу обрить васъ на барабанѣ...

— Лишать меня усовъ, когда они разрѣшены мнѣ закономъ, вы сами не захотите.

— Откуда вы взяли такой законъ? Позвать ко мнѣ секретаря, обратился онъ къ стоявшему у дверей дежурному чиновнику; да скажите ему, чтобы онъ посмотрѣлъ, есть ли въ законѣ что нибудь объ усахъ отставныхъ путейскихъ офицеровъ. Чиновникъ ушелъ. Такъ вотъ что, началъ снова Г. . . въ, повернувшись ко мнѣ: генералъ Шульгинъ помнитъ васъ съ прошлаго года, когда вы просились за границу, а со вчерашняго дня окончательно заподозрилъ васъ въ вольнодумствѣ. Собранными о васъ свѣдѣніями подозрѣніе его, къ счастью вашему, не подтвердилось, и вашъ вчерашній проступокъ пройдетъ на первый разъ безнаказаннымъ, но при повтореніи берегитесь! Будетъ худо... А что́ касается усовъ, то чтобы дать вамъ урокъ за ваши рѣзкіе отвѣты и споръ со мною... Онъ не договорилъ, потому что къ нему подошелъ секретарь съ однимъ изъ томовъ закона въ рукѣ. Ну, что? живо спросилъ онъ. — Офицеры корпуса Путей Сообщенія имѣютъ

право носить усы въ отставкѣ, послѣдовалъ отвѣтъ секретаря. Г. . . въ хмыкнулъ и топнулъ ногою.

— Какая безсмыслица! На службѣ нельзя, а въ отставкѣ можно... Можете идти домой! бросилъ онъ мнѣ сердито, уходя въ свой кабинетъ. Какого-то обѣщаннаго урока онъ мнѣ не далъ, но за то былъ такъ невѣжливъ, что не только не извинился въ напрасномъ задержаніи, но и не сказалъ даже прощайте, отпуская меня.

— Это чортъ знаетъ что такое!.. Съ извозчикомъ не позволительно такъ обращаться, ворчалъ я, спускаясь по лѣстницѣ къ подъѣзду. Головомойка!.. Хороша головомойка!.. Безнаказанная наглость, и больше ничего! Почему, кажется, презрительно относиться къ человѣку, когда ясно, что онъ ни въ чемъ не виноватъ? Такъ нѣтъ, надо въ самой грубой формѣ показать свою власть надъ нимъ, зная напередъ, что отпора не получитъ. Однако получилъ... Недаромъ же бѣсился и хотѣлъ брить меня на барабанѣ, утѣшалъ я себя поребячески въ этой прискорбной и крайне-волновавшей меня исторіи. Вечеромъ, когда я въ клубѣ разсказалъ о безобразномъ пріемѣ меня Г. . . вымъ барону Остену, тотъ невольно пожалъ плечами, спросивъ въ тоже время, въ какомъ часу это было? Я сказалъ.—Хорошо позавтракалъ... Плюньте!.. Конечно, ничего иного не оставалось дѣлать, но я почти десять лѣтъ избѣгалъ даже мимолетной встрѣчи съ Г. . . вымъ. Много позднѣе, наступилъ однако часъ, когда мнѣ представилась возможность высказать ему все неприличіе его поведенія со мною.

Въ началѣ царствованія Александра Николаевича, въ Петербургѣ былъ большой пожаръ, истребившій до сотни домовъ въ Измайловскомъ полку. Государь прибылъ на пожаръ въ самомъ разгарѣ и увидѣлъ оберъ - полицмейстера не распоряжающимся локализаціей разбушевавшейся стихіи, а спящимъ и дремлющимъ на кучкѣ бревенъ отъ разобраннаго дома. Г. . . ва разбудили; но Государь тотчасъ замѣтилъ, что дремота произошла не отъ утомленія, а отъ обильнаго завтрака. Черезъ нѣсколько дней появился высочайшій приказъ объ увольненіи генералъ-адъютанта Г. . . ва отъ должности С.-Петербургскаго оберъ-полицмейстера и въ отпускъ за границу впредь до излѣченія болѣзни. Туда и дорога! злорадствовалъ я. Прошло три года. Я женился и съ молодой женой поѣхалъ за границу. Паспортныхъ стѣсненій тогда уже не было. Случайно заѣхали мы въ Гессенскій курортъ Наугеймъ, небольшой городокъ невдалекѣ отъ Франкфурта на Майнѣ, привлекавшій посѣтителей не столько своими минеральными водами, сколько рулеткой. Наугеймская рулетка не была мѣстомъ свиданія Европейской аристократіи, какъ Баденъ-Баденъ, Висбаденъ и Гомбургъ, но тѣмъ не менѣе исправно обирала свои жертвы,

не требуя отъ нихъ за это ни шикарныхъ костюмовъ, ни роскошныхъ экипажей для выѣздовъ на прогулку, ни швырянія денегъ въ бездонные карманы Парижскихъ дамъ полусвѣта; однимъ словомъ, это былъ скромный Нѣмецкій, а не всемірный разбойничій домъ. Вхожу въ него и не безъ удивленія вижу сидящаго за рулеточнымъ столомъ бывшаго грознаго С.-Петербургскаго оберъ-полицмейстера. Онъ обрюзгъ и постарѣлъ. Игралъ онъ на серебряныя деньги. Очень жалкимъ показался онъ мнѣ въ какомъ-то коломянковомъ балахонѣ, послѣ блестящаго генералъ-адъютантскаго мундира, ловко сидѣвшаго на немъ и прекрасно обрисовывавшаго его стройную фигуру. Я подсѣлъ къ нему.

— Вы меня не узнаёте, генералъ? спросилъ я у него. Онъ посмотрѣлъ на меня мутными отъ алкоголя глазами и отвѣчалъ: — Не помню, но лицо ваше мнѣ знакомо.—Не припомните ли, какъ вы хотѣли сбрить мнѣ усы на барабанѣ? — Ахъ, да! Теперь припоминаю, хотя давно это было... Вы вѣдь инженеръ.... Помню, помню! Кажется, мы и раньше еще встрѣчались въ Западномъ краѣ и отплясывали на балахъ... Вы были тогда очень молоды; должно быть, только что окончили курсъ...—Совершенно вѣрно. У васъ прекрасная память... Однако, зная меня, вы жестоко обошлись со мной при новой встрѣчѣ въ Петербургѣ.. —Не я, а служба!.. Мнѣ было вмѣнено въ обязанность собачиться, я и собачился... — Но вѣдь за мной не было никакой вины...—Потому и прошло благополучно.—Не совсѣмъ, генералъ! Я до сихъ поръ не могу забыть вашего пріема...—И все-таки не вините меня. Повѣрьте, что и тогда сердце было у меня не каменное, какъ и теперь и прежде; но что́ прикажете дѣлать, когда велятъ всѣмъ и каждому страхъ нагонять?... Вы поступали бы точно такъ же, если бы находились на моемъ мѣстѣ.—Не думаю, генералъ. — Напрасно. Посмотрите на меня: кажется, невесело живется; а могло быть хуже, да еще въ болѣе молодыхъ годахъ, если бы я въ извѣстные моменты не надѣвалъ на себя личины звѣря. Покойный Государь былъ очень добръ, но строгъ и такой же строгости требовалъ отъ служащихъ....—Думаю, что Государь требовалъ строгости въ отношеніи виновныхъ. — Прибавьте и сомнительныхъ въ благонадежности...—Чѣмъ же былъ я неблагонадеженъ? Неужели тѣмъ, что по незнанью не колотилъ ложкой по столу?—Тогда всякое лыко ставилось въ строку. Впрочемъ не я хотѣлъ засадить васъ подъ арестъ, а Шульгинъ; да и то благодаря открытому тогда и не вполнѣ еще разслѣдованному заговору. Но не безъ труда уговорилъ я его отпустить васъ, ссылаясь на то, что знаю васъ давно и что всѣ наведенныя справки говорятъ за васъ; онъ согласился, но на условіи, чтобы я хорошенько васъ отдѣлалъ, что́ я, невзыщете, и исполнилъ.

Эта исповѣдь примирила меня съ нимъ. Болѣе мы не встрѣчались; онъ вскорѣ умеръ, проживъ въ Европѣ весь остатокъ жизни.

Продолжаю мой разсказъ, далеко не доходящій до времени моего послѣдняго свиданія съ Г. . . вымъ и прерванный изъ желанія повторить избитую истину, что мѣста часто портятъ характеръ человѣка. Положимъ, что у Г. . . ва порча эта была напускная, но это не измѣняетъ дѣла: напускное можетъ быть и у другихъ.

*

О поѣздкѣ за границу приходилось теперь оставить всякія мечты; къ тому же, скоро началась Венгерская кампанія, и тѣмъ закончился первый годъ моего тунеядственнаго препровожденія времени въ Петербургѣ. Но я былъ настойчивъ и не терялъ надежды, что такъ или иначе вырвусь, наконецъ, въ иноземье.

— Развѣ это такъ трудно сдѣлать, при вашихъ средствахъ? сказалъ мнѣ одинъ изъ чиновниковъ департамента полиціи съ которымъ я разговорился по этому поводу въ клубѣ.—Да, пойдите-ка, попросите Шульгина, чтобы онъ исходатайствовалъ мнѣ разрѣшеніе на поѣздку? — На что вамъ Шульгинъ и его ходатайство, когда вы можете имѣть законное право на выѣздъ за границу? Возьмите купеческое свидѣтельство 3-ей гильдіи и поѣзжайте, куда угодно.... — Сдѣлаться купцомъ?.. Что вы!.. Развѣ это возможно?—Почему же нѣтъ? Сдѣлался же отставной офицеръ Спиглазовъ папиросным фабрикантомъ (очень неудачно: его папиросы съ гильзами изъ какой-то массы вмѣсто бумаги, по своей ломкости, не пошли въ ходъ, и онъ обанкрутился). — Фабрикантъ, но не просто купецъ.... Меня вѣдь, при встрѣчѣ могутъ спросить: чѣмъ и гдѣ торгуете?—Фу, сколько въ васъ дворянской спѣси!.. Да пусть себѣ спрашиваютъ: вы не станете торговать въ мелочной лавочкѣ, но правомъ на ея открытіе воспользуетесь....—Такъ-то, такъ; но и этотъ совѣтъ безполезенъ: Шульгинъ не выпуститъ меня и съ купеческимъ свидѣтельствомъ....—По закону не можетъ, если съ нашей и III Отдѣленія сторонъ нѣтъ препятствій, но по предоставленной ему власти, конечно, можетъ. Да, вѣдь, Шульгинъ не одинъ въ Россіи: поѣзжайте въ Москву и запишитесь въ купечество тамъ. Это будетъ даже вамъ болѣе на руку: васъ тамъ никто не знаетъ.... — Подумаю!...

Другого средства не нашлось, а съ идеей сдѣлаться купцомъ я не мирился цѣлый годъ. Купецъ! Торгашъ! Вѣдь это позоръ! мерещилось мнѣ, да и не мнѣ одному въ тѣ времена, когда достоинство дворянина соразмѣрялось съ правомъ носить при гладко-выбритомъ подбородкѣ извѣстной длины бакенбарды, а купецъ, хотя бы и фабрикантъ, не смѣлъ дотрогиваться бритвой до своей бороды. Да, тогда только

баки закругленнымъхвостикомъ отъ виска до верхней губы или до послѣдняго волоска выбритое лицо служили признакомъ порядочности человѣка на Руси, порядочности, впрочемъ лишь, показной, на самомъ же дѣлѣ часто не очень далекой отъ проявляемой нынѣ прилично-одѣтыми героями мостовыхъ и трактировъ. Въ жизни государства 50 лѣтъ немного, но въ этомъ отношеніи Россія много подвинулась впередъ: нѣтъ болѣе помѣщиковъ обращавшихся съ крестьянами, какъ нынѣ не позволяютъ обращаться съ животными; нѣтъ начальниковъ принимающихъ просителей и просительницъ въ халатѣ или еще безцеремоннѣе. Въ описываемое мною время, никто не возмущался разсказами, какъ министръ финансовъ Вронченко, въ жаркіе дни, принималъ съ докладами директоровъ департаментовъ, лицъ украшенныхъ тремя-четырьмя звѣздами, въ ночной сорочкѣ и туфляхъ на босую ногу. Какъ вспомню мои молодые годы, краска и нынѣ выступаетъ на лицѣ. Положимъ, я не смѣялся надъ лѣтнимъ, домашнимъ костюмомъ графа Вронченки, какъ не смѣялся надъ угрозой Г. . . ва обрить мнѣ на барабанѣ усы, но тѣмъ не менѣе поѣхать за границу съ пропискою въ паспортѣ: по торговымъ дѣламъ, считалъ почему-то унизительнымъ для своей особы. Однако годъ размышленій не остался безслѣднымъ. Весною 1851 г., въ Лондонѣ, открывалась первая всемірная выставка! Стало-быть, теперь надо ѣхать, не взирая ни на какія препятствія, рѣшилъ я окончательно. Но вѣдь купцомъ!.. Да, что же дѣлать, если вынуждаютъ?.. Представлю себѣ, что по возвращеніи изъ за границы я открою химическій или хоть гончарный заводъ, все равно: гильдейскія повинности платить надо. Разница въ томъ, что заплачу ихъ годомъ раньше... Неизбѣжныя справки въ департаментѣ полиціи и III Отдѣленіи въ соединеніи съ троекратной публикаціей въ газетахъ о моемъ выѣздѣ за границу задержали меня въ Москвѣ; но паспортъ добытъ.

Наконецъ, я одной ногой уже за границей, вступивъ въ Кронштатѣ на бортъ парохода «Траве», содержавшаго товаро-пассажирское сообщеніе между Петербургомъ и Любекомъ. Онъ шелъ первымъ весеннимъ рейсомъ и набилъ свои каюты пассажирами до сверхъкомплекта, пока нашъ исключительно-пассажирскій казенный пароходъ, ходившій до Штеттина, чинился и красился въ гавани. Къ чему спѣшить? Командиръ, флотскій офицеръ и команда матросовъ не были заинтересованы въ выручкѣ парохода; а служба, хотя и оплачиваемая добавочнымъ окладомъ, успѣетъ еще надоѣсть за навигацію. Такъ разсуждали или допускали разсуждать у насъ. Ну, а Нѣмцы разсудили иначе: они пробрались между пловучимъ льдомъ, добрались до Кронштата, набрали полный грузъ, забрали столько пассажировъ, что

и размѣстить ихъ было трудно, и повезли Русскія денежки въ свой Vaterland. Обиднѣе всего было то, что на пароходѣ, содержавшемъ срочное и постоянное изъ года въ годъ сообщеніе съ Россіей, никто не понималъ ни слова по-русски. На мимику, какъ оказалось, были всѣ довольно туговаты... Вѣроятно, этотъ родъ объясненій Нѣмцамъ не по характеру. Нѣмцы, вѣдь, какъ извѣстно, небольшіе охотники до балетныхъ представленій, подтрунивалъ я надъ своимъ сосѣдомъ по кабинѣ, бѣсившемся, что еще, въ предѣлахъ Россіи, его никто не понимаетъ на родномъ языкѣ. А, вотъ, чисто-Нѣмецкой практичности у заправилъ Любецкой пароходной акціонерной компаніи оказалось достаточно: пароходъ Траве былъ преимущественно грузовый, но содержался въ образцовой чистотѣ и опрятности, каюты же для пассажировъ съ ихъ простой лакированной мебелью и экономно-разсчитанными въ ширину и длину койками могли быть устроены только съ задней мыслью: для Русскихъ и это хорошо; они вѣдь, у себя и этого не имѣютъ. Столъ былъ довольно обиленъ и изъ хорошей провизіи; видно было, что Нѣмцы соображались съ своимъ обычнымъ хорошимъ аппетитомъ, но намъ приходилось остерегаться нѣкоторыхъ блюдъ; такъ, напр. жареная селедка съ вареньемъ могла и безъ качки вызвать морскую болѣзнь. У компаніи были болѣе быстроходные и лучше устроенные пароходы, но они выпускались на Петербургскую линію позднѣе, когда приходилось конкурировать съ казеннымъ пароходомъ.

Черезъ трое сутокъ Траве остановился у Любецкой пристани. Любекъ съ его кривыми улицами, средневѣковыми домами, съ высочайшими, крытыми черепицами крышами не заинтересовалъ меня, и черезъ $2^1/_2$ часа желѣзнодорожнаго сообщенія я въ Гамбургѣ. Вотъ это городъ иного сорта: на одинъ Альстеръ (небольшое озеро) съ окружающими его набережными можно смотрѣть часами и не налюбоваться. А уличное движеніе! А колоссальные отели съ сотнями лицъ за общимъ обѣденнымъ столомъ, объѣдающихся неизмѣнно-сервируемой за каждымъ обѣдомъ Stein-Butte (крупная морская камбала) и другими вкусными блюдами за 2 марки (по тогдашнему курсу 60 коп.) съ персоны! Да какъ же не пожить въ такомъ городѣ?

Снова я на морѣ, но въ морѣ Нѣмецкомъ, на пароходѣ Англійскомъ. Какая разница съ «Траве!» Здѣсь мебель краснаго дерева, зеркала надъ каминами, рояль для играющихъ и поющихъ, библіотека и газеты для читателей, каюты и койки—роскошь, а о столѣ и говорить нечего: чего стоилъ одинъ холодный завтракъ съ его prîmeur'ами на десяткѣ тарелокъ, пудовымъ ростбифомъ, окороками вядчины, телятины и баранины, сервированный къ утреннему кофе или шоколаду? Но это мимо. За переѣздъ, при такихъ условіяхъ, изъ Гамбурга въ Лондонъ въ

1-мъ классѣ платилось 2 фунта стерл. (по тогдашнему курсу 12 рубл.), тогда какъ на Любецкихъ пароходахъ за разстояніе немногимъ большее чѣмъ здѣсь брали безъ соображенія съ курсомъ 40 рублей. Не дурна параллель между Нѣмцами, везущими Русскихъ въ свою страну, и Англичанами Нѣмцевъ въ свою. А вѣдь Нѣмцы считались въ то время лучшими друзьями Россіи, въ признательность за спасеніе ихъ независимости, въ началѣ вѣка, когда Наполеонъ готовился изъ Берлина сдѣлать департаментскій городъ Франціи. Die HeiligeAllianz (Священный Союзъ) былъ еще въ полной силѣ, и ни одно Германское правительство и въ умѣ не смѣло облагать пошлиной Русскій хлѣбъ, напротивъ: Николай Павловичъ, при нѣсколько скудномъ урожаѣ въ Россіи, не разъ облагалъ хлѣбъ вывозною пошлиной до 10 коп. съ пуда. Курсъ нашихъ денегъ не понижался даже до al pari; обыкновенно за нашъ кредитный рубль платили 1 р. 5 к. золотомъ; вексельный курсъ на Парижъ доходилъ до 420 сант. за рубль или 24 к. за франкъ; Англійскій фунтъ стерлинговъ стоилъ 6 р., а Прусскій талеръ, или 3 марки, всего 90 копѣекъ. Но вексельные переводы не имѣли тогда такого развитія, какъ нынѣ, и иностранцы поневолѣ покупали наши товары за наличныя деньги, наводняя Россію своею звонкою монетой. Золотую монету правительство перечеканивало въ имперіалы и полуимперіалы, а серебряная оставалась въ ходу и водворяла на монетномъ рынкѣ настоящій хаосъ: мы не знали, куда дѣваться отъ Прусскихъ талеровъ, Французскихъ пятифранковиковъ, Испанскихъ дублоновъ, разныхъ кронъ и пр.; всѣ отнѣкивались отъ нихъ даже при значительной скидкѣ съ ихъ настоящей цѣны. Немудрено, что, при такомъ торговомъ балансѣ, графъ Канкринъ, не признававшій пользы желѣзныхъ дорогъ для Россіи при ея шестимѣсячной зимѣ съ саннымъ путемъ, считался геніальнымъ министромъ финансовъ. Думаю, что его счастливая звѣзда не блестѣла бы такъ ярко, если бы онъ дожилъ до того времени, когда всѣ закромы Европы стали засыпать Сѣверная и Южная Америка, Индія, Египетъ и подъ конецъ Австралія и когда нашему хлѣбу не только не подъ стать вывозныя пошлины, но милые сосѣди норовятъ стѣснить и его доступъ въ ихъ страну. Политика не знаетъ слова благодарность, торговля тѣмъ болѣе... На этомъ основаніи и Любецкая компанія пароходства начала довольно нахально высасывать деньги изъ кармановъ Русскихъ пассажировъ; а впослѣдствіи за такое дѣло, только въ бо́льшихъ размѣрахъ, взялся и знаменитый честный маклеръ Бисмаркъ, обложившій всѣ предметы ввоза изъ Россіи таможенной пошлиной, которая его преемникамъ кажется еще не довольно разорительной для насъ. Ихъ дѣло! Посмотримъ, къ чему приведутъ такіе хищническіе инстинкты. Желѣзныя дороги отняли у Любецкой параходной компа-

ніи пассажировъ и возвратяли ее вспять къ товаро-перевозному занятію; ну, а съ купца ей лишковъ не взять, да и конкуренція не дремлетъ. Очень можетъ быть, что найдутся мѣры для возвращенія и Германіи вспять на менѣе корыстолюбивыя дружескія отношенія...

Понятно, что по пріѣздѣ въ Лондонъ, первый визитъ мой былъ въ Гайдъ-паркъ, на выставку, въ Хрустальный дворецъ. Чудомъ изъ чудесъ показалась мнѣ эта громада изъ стекла и желѣза, около полуверсты длиною. Впослѣдствіи я видѣлъ это зданіе въ Сиднемѣ (Sydenham, въ 30 верстахъ отъ Лондона), но оно не производило уже первоначальнаго впечатлѣнія: присмотрѣлся. При первомъ знакомствѣ съ нимъ оно ошеломляло своей громадностью, матеріаломъ, изъ котораго было сооружено, а главное своей воздушностью и формой, не подходившей ни подъ одинъ изъ архитектурныхъ стилей; все это было ново, невидано и потому поражало. Внутри дворца было немало чудесъ науки и искусства, не только невиданныхъ наяву, но не снившихся мнѣ и во снѣ; и если бы я сталъ описывать все, чѣмъ я восторгался на выставкѣ, то изъ этого вышло бы не краткое описаніе моего пребыванія въ Лондонѣ, а подробнѣйшее всей выставки. 50 разъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я посѣтилъ ее. За помѣщеніе съ полнымъ пансіономъ я платилъ 1 фунтъ стерл. въ день, другой уходилъ на разъѣзды по городу и на расходы на выставкѣ, третій на театръ или другія вечернія удовольствія, четвертый на разныя покупки и пятый самъ не знаю куда, но онъ уходилъ; итого почти 1000 р. въ мѣсяцъ. Взялъ я съ собой изъ Россіи нѣсколько болѣе 2-хъ тысячъ въ надеждѣ объѣхать съ ними всю Европу и прожить тамъ не менѣе полугода. А теперь, когда я покончилъ съ выставкой, въ карманѣ у меня осталось какихъ нибудь сотни 3—4 рублей. Куда было ѣхать съ ними иначе какъ домой?

Я прибылъ черезъ Остенде и Берлинъ въ Штеттинъ, и что же узнаю? Пароходъ дѣйствительно идетъ въ Петербургъ, но только не Русскій, а Прусскій, по соблюдаемой между тѣмъ и другимъ очереди. Везетъ же этимъ Нѣмцамъ! почти крикнулъ я, вступая на пароходъ. Отдавай имъ наши денежки!..

Отъ чего это у васъ такъ мало пассажировъ? спрашиваю у капитана.—А откуда имъ взяться, когда Любецкіе пароходы забираютъ всѣхъ до послѣдняго человѣка.—Эти нищенски устроенные пароходы? Что вы!..—Совсѣмъ не нищенскіе: компанія имѣетъ прекрасные пароходы и беретъ цѣны вдвое дешевле нашихъ...—Ну, на этотъ счетъ вы ошибаетесь: еще два мѣсяца назадъ я заплатилъ на ея пароходъ дороже, чѣмъ у васъ.—Да! Въ Петербургѣ, когда нѣтъ, по вашей винѣ, конкуренціи. Кромѣ того, имѣя въ трюмахъ полный грузъ, паро-

ходъ не очень дорожитъ пассажирами, а въ Любекѣ другое дѣло: оттуда товаровъ идетъ немного, да и товары легковѣсные, она и набираетъ пассажировъ за дешевую цѣну.—Къ чему же вы допускаете такую конкуренцію? Казенный пароходъ можетъ убить всякую частную компанію, если захочетъ.—А конвенція съ Русскимъ правительствомъ на что? Мы не имѣемъ права ни на одинъ пфеннигъ понизить наши цѣны. — Такъ войдите въ соглашеніе, имѣя такія вѣскія данныя...—Пробовали да бросили. Развѣ ваше Морское Министерство, давая пароходъ, заботится о коммерческихъ выгодахъ, или капитанъ съ густыми эполетами, по джентельменски расшаркивающійся передъ своими пассажирами и пассажирками, захочетъ утруждать себя сопряженной съ отчетностью работой? Посмотрите, что у него въ трюмѣ: только пассажирскій багажъ. Правда, много багажа, потому что дамы ваши возятъ съ собой неимовѣрное количество сундуковъ и чемодановъ, но все-таки нашлось бы мѣсто, ну хоть для тысячи - другой цибиковъ чая или нѣсколькихъ сотенъ кипъ хлопка того и другого груза, очень удобнаго и цѣннаго; но баринъ-капитанъ отвѣтитъ на предложеніе: мѣста нѣтъ, загруженъ, а возьметъ лишній запасъ каменнаго угля, за полученіе котораго выдастъ только квитанцію, предоставляя расчетъ и отчетность береговому агенту. Съ такимъ грузомъ онъ спокоенъ: по прибытіи на мѣсто нечего выгружать, и нѣтъ отвѣтственности за поврежденіе и убыль товара въ пути или до сдачи его на берегу. Вотъ ваши порядки, только мѣшающіе намъ, съ нескрываемою досадой закончилъ Нѣмецъ-капитанъ.

И онъ правъ! Tous les jours on apprend quelque chose, разсуждалъ я по поводу этого разговора у себя на Петербургской квартирѣ. Къ чему же лишаться доходовъ, намъ принадлежащихъ? Стóитъ только дать возможность образованію частныхъ пароходныхъ компаній, и будутъ у насъ такіе же превосходные пароходы какъ Англійскіе, между Лондономъ и материкомъ. Но вотъ горе: для этого нужны люди, практически изучившіе такое дѣло за границей, а какъ его изучишь, когда вамъ авторитетно говорятъ, что въ иноземьи учиться нечему, и потому донельзя стѣсняютъ выѣздъ туда.

В. Шиманъ.